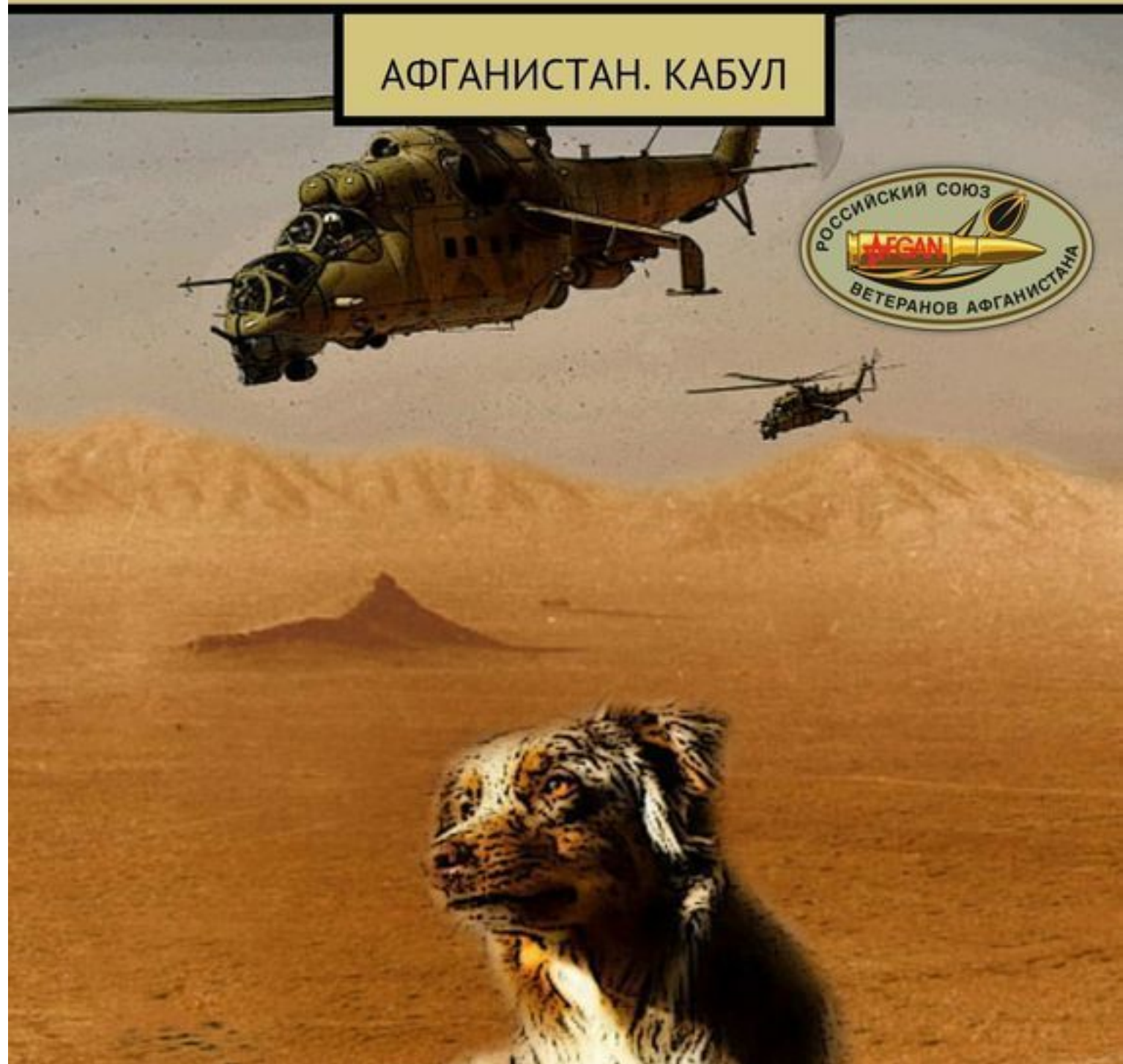

АЛЕКСАНДР ЖАДАН
ГАЛИНА ТАРАЗАНОВА

Катька — пограничная собака

АФГАНИСТАН. КАБУЛ

Александр Жадан

Катька – пограничная собака

«Издательские решения»

2015

Жадан А.

Катька – пограничная собака / А. Жадан — «Издательские решения», 2015

События далёкой афганской войны снова и снова бередят душу и тревожат память отставного майора. Катька — собака, несшая свою боевую службу на заставах 8-й роты под Кабулом, любимица всех солдат и офицеров, постоянно находящаяся в гуще событий, стала главной героиней повести. История её необычной судьбы повествует о судьбах многих пограничных собак, чья верность и преданность оказались не нужны на историческом разломе державной страны...

© Жадан А., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Введение	6
Пролог	7
Часть 1. Афганистан	8
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	23
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Катка – пограничная собака

Афганистан. Кабул

Александр Жадан

Галина Таразанова

© Александр Жадан, 2015

© Галина Таразанова, 2015

© Галина Таразанова, дизайн обложки, 2015

© Александр Жадан, фотографии, 2015

© Галина Таразанова, иллюстрации, 2015

Корректор Галина Таразанова

Редактор Галина Таразанова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Введение

Эта книга посвящается всем, кто выполнял свой интернациональный долг по защите интересов нашей Родины в Афганистане более четверти века назад, в 1979–1989 годах.

Собаки, несшие службу на заставах, тоже были бойцами. В бурлящем водовороте событий 90-х, когда войска вышли из Афгана, а Союз развалился, до них никому не было дела, – судьбы людей-то никого не волновали... Собачья верность оказалась не нужна, – только как объяснить это собакам?..

Вдохновителем написания этой книги стал мой друг, генерал, начальник погрануправления Белгородской области, Роман Николаевич Голубицкий, – в беседе с ним тема судьбы пограничных собак задела за живое. Родился стих, прочитав который, Роман Николаевич посоветовал писать книгу.

Хочу поблагодарить ещё одного идейного друга и сослуживца, который, хоть и не принимал непосредственного участия в процессе написания книги, но его поддержка и незримое присутствие оказало большое влияние. Это лидер Российского Союза ветеранов Афганистана, депутат Государственной Думы Франц Адамович Клинецевич.

Самые тёплые слова благодарности выражаем за помощь в сборе материала всем бойцам восьмой роты, которые откликнулись и приняли активное участие. Особое командирское спасибо Александру Порядину, Александру Уляшову, Геннадию Соболю, Олегу Яковлеву, Владимиру Чурину, Сергею Богданову, Александру Храмцову, Марату Гарифову.

Произведение является художественно-документальным: наряду с реальными действующими лицами и событиями присутствуют и вымышленные, перенесённые герои и ситуации, – немало времени прошло, не все имена хранит память....

А. Жадан

Пролог

Пассажирский состав, стоящий у перрона, мягко тронулся. Колеса набирали обороты, когда в проплывавшем мимо окне мелькнул зеленый околыш пограничной фуражки. В ту же секунду собака, зябко ёжившаяся возле столба, настороженно приподняла уши и потрусилась по перрону, стараясь догнать убегающее окно. Снежная крупа, нудно летящая из темных облаков, подхваченная стылým осенним ветром, стеной отделяла

удаляющийся поезд.

Стоящие в открытой ещё двери тамбура проводницы, – женщина средних лет и молодая практикантка, – одновременно посмотрели в её сторону.

– Видать, хозяин уехал этим поездом, – предположила молодая.

– Да нет, она тут за каждым составом так бегает, – ответила опытная напарница. – Люди рассказывают, что она с десанниками из Афгана вышла, потом на иранской границе службу несла. Отстала от эшелона при погрузке Витебской дивизии....

С тех пор встречает и провожает проходящие поезда, – как увидит военную форму, так и бежит следом, своих ищет....

Часть 1. Афганистан

*Мы живём, несмотря ни на что,
Пулей в сердце живёт
Незажившая рана.
Мы идём по уставшей земле,
Мы, Российский союз
Ветеранов Афгана.
А. Жадан (Гимн РСВА)*

А. Жадан, напротив – 25-я, внизу 24-я застава

Глава 1

Катька – совсем не собачья кличка, может быть, отсутствие женщин, а, может быть, отдалённость от Родины были решающими факторами при выборе клички любимицы всех солдат и офицеров 24-й заставы.

У Катьки было три любимых занятия – ездить на броне БМП или бронетранспортёра, в Кабул и обратно, подставив морду навстречу горячим потокам афганского ветра, гонять по ночам по свалке дикобразов, а потом, по утрам, сидеть возле входа в столовую и ждать, когда бойцы вытащат впившиеся в бока и голову полосатые иголки, и третье, наверное, самое любимое – сидеть по ночам на миномётной позиции, возле КНП (командно-наблюдательного пункта), смотреть на круговорот звёзд и дальние заставы, 25 и 22-ю верхнюю, – там жили её щенки из недавнего помёта.

В шесть часов утра Катькин лай разбудил часового Филиппова, который нёс службу в парке на четвёртом посту, под грибком. Она умчалась в сторону виноградников, и все давно уже знали, – минут через тридцать появятся дехкане, жители местного кишлака Корradoшман, или, по-простому, – духи. Духами называли и мирных, и тех, с кем мы воевали.

– Товарищ капитан, разрешите доложить, сержант Ефимов, – группа местных жителей спрашивает разрешения поработать на винограднике до 17 часов....

– Пусть работают, и предупреди часового с первого поста, чтобы наблюдал.

– Так точно! Да, товарищ капитан, – Катька опять побежала на 25-ю заставу, кормить щенка.

Путь от базовой, 24-й, и до 25-й – горной, неблизкий, вниз, мимо столовой и склада, через парк, не культуры и отдыха, а тот, где стоят и обслуживаются боевые машины. А их в роте немало, только БМП-2 – больше десятка, плюс бэтээров с дюжину, работяга-КАМАЗ – «крокодил», трёхосный, настоящий пахарь, две водовозки, – водопровода на заставах не было, воду черпали вручную, и развозили по всем заставам.

Для Катьки это был обычный день, и начинался он, как всегда, – рано утром Сергей Богданов, повар 24-й заставы, накормит ее чем-нибудь вкусеньким, потом – обляять местных, из кишлака; пробегая через промоину, полатать холодной воды, взобраться по отвесным скалам на 25-ю заставу, поприветствовав радостным лаем часового Дымникова, покормить щенка и, не задерживаясь, лететь на 22-ю верхнюю, – там её ждал второй, а расстояние не шуточное, – до 22-й километров пять-шесть будет.

К вечернему разводу, Катька, уставшая, но довольная, вернулась на базовую заставу, жрать не хотелось, кормили на обеих заставах, и провожали, как в последний раз.

В субботу – обычная кутерьма, подготовка к выезду в дивизию, за почтой, сдать бельё в стирку, хлеб в пекарне получить, да и просто узнать последние новости. Пока Сашка Уляшов готовил боевую машину к выезду, Катька уже сидела на башне, и с нетерпением ждала выезда колонны. Колонна выдвинулась в сторону Кабула, машины ехали по долине, завораживая взгляд. Пыль выдавливалась из-под колёс и растекалась в стороны, как вода из-под киля корабля. Радость от происходящего переполняла Катьку, хотелось лаять на всю долину, но тишина, не только в эфире, заставляла быть поскромнее. На стене у ротного в канцелярии висел плакат: «Не болтай, враг подслушивает», – Катька по-своему понимала этот призыв, и потому не лаяла.

Везде на бэтээре, по-походному, есть свои прелести, – броня не жарит изнутри, ветерок, пусть и горячий, всё равно обдувает и приносит какое-то удовлетворение, да и смена пейзажа вносит свои коррективы в монотонное движение. Одной Катьке всё нипочём, – заняв любимое место – нос БМП, она считала себя рулевой и ведущей всей колонны, и только периодические

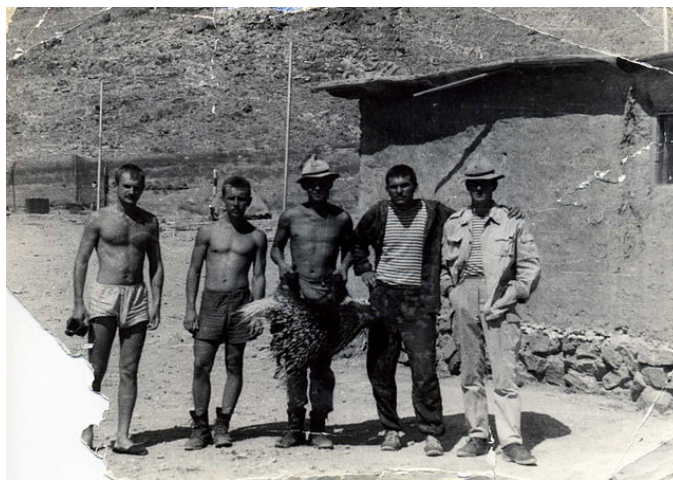
удары в бок механика-водителя возвращали её в реальность, – знай своё место, главный на броне всё-таки Сашка Уляшов, и не торчи у него перед глазами.

Весь путь, от заставы до дивизии, любой механик-водитель восьмой роты мог бы проехать с закрытыми глазами, – промоины, воронки, узкие стены и повороты в кишлаке Паймунар, поворот возле инфекционного госпиталя, – всё такое знакомое, и даже пацанёнок-бача, лет пяти, выскочивший из открытой двери дувала, и на чистейшем русском языке прокричавший: «Командир, дай бакшиш...», – не испортит картины происходящего. Катька уже строила свои планы на предстоящий уик-энд по дивизионным подворотням, подружки и друзья у неё были везде. Первый привал возле прачечного комплекса, старшина Крапива – прикольная фамилия у нашего прапорщика, а солдаты за небольшой рост прозвали его Метр, – дал команду на выгрузку белья, а Катькин хвост уже мелькнул возле столовой батальона материального обеспечения. Ротный пошёл следом, вернее, в том же направлении, у него в батальоне друг служил, Юра Ярославский, главным комсомольцем, и Катька не раз сидела возле палатки – столовой ОБМО, в ожидании командира и сахарной косточки. В дивизии батальон в шутку называли – Батальоном материального обогащения, но это, скорее всего, от зависти, – личный состав постоянно ходил в колонны, часто обстреливался, были и потери, а от этого, естественно, постоянные награды, регулярно отправляемые в Москву. А какой солдат к дембелю не мечтал получить медаль, или даже орден! Один из Катькиных щенков, возмужавший Боцман, давно ходил с бронёй в колонны и, видимо, об очередном обстреле и лёгкой контузии рассказывал Катьке.

В переживаниях, Катька и не заметила, как солнце, зацепившись за вершину Паймунарского хребта, покатилося по Десхабзской долине, видимо, в надежде догнать колонну восьмой роты, возвращающейся на заставу. Десхабзская долина в переводе с местного означала «солнечная» и до войны вся была засеяна пшеницей, сейчас на ней были только отдельные островки виноградников, – население покидало зону боевых действий, уходя к дальним родственникам в другие провинции, оставляя пустующими кишлаки, землю обрабатывать стало некому....

Отсутствие рыжей хозяйки заставы заметили, когда разгружали хлеб и бельё.

– Заберём в следующую субботу, когда поедем на аэродром загружать вертушку на 25-ю заставу, – решил ротный, и дал команду бойцам двигаться на ужин. А в столовой всех ожидало поистине королевское угощение, – шашлык и пельмени из свежего мяса. На заставе давно перестали удивляться, вот и в этот раз, все знали, что Васин, аккумуляторщик роты, а по совместительству внештатный охотник, рано утром сходил в район свалки, за второй пост, там он расставлял хитрые ловушки на дикобразов. Что они собой представляли? – обычные МУВЫ, взрыватели от гранат, из которых аккуратно извлекалось кольцо, а на чеку насаживалась картошка, она-то и удерживала механизм от приведения в действие. Дикобраз обгрызал картофельное лакомство, за что, как правило, рассчитывался жизнью. Благодаря этому его пристрастию, да неутомимому Васину, заставка всегда была обеспечена сочным беловатым мясом, по вкусу напоминающим свинину, годившемуся на самые разнообразные блюда.

Дикобраз на ужин

В столовой обсуждали новости, после читки писем, кто-то отмечал иголкой ещё один день в календаре, а Катька в это время пыталась пересечь взлётно-посадочную полосу. Путь через аэродром был короче километров на десять, но и опаснее, зоркие часовые, машины обслуживания, снующие, как жуки – от вертушки к вертушке, и от самолёта к самолёту, подвоз боеприпасов, заправка. Очередная машина выхватила светом фар Катьку и посигналила, Катька шарахнулась в сторону и заскочила под стеллажи с огромными бомбами. Марш-бросок через аэродром вымотал Катьку, не столько физически, сколько морально. Она ощущала себя беззащитной букашкой. То ли дело: сидеть на броне и чувствовать себя одним-единим организмом с грозной машиной! Ближе к полуночи она пробежала под закрытым шлагбаумом КПП, на выезде из Кабула в долину. Часового на посту не было, а из палатки доносился смех и песня под гитару: «...боевым награждается орденом...», – молодой голос подражал Михаилу Муромову.

– Эх, пехота, – подумала Катька, – никакой службы, это тебе не ВДВ, в восьмой роте за такое происшествие – серьёзное наказание, да такого нарушения у нас в роте и быть не может!

Гордость за причастность к «войскам дяди Васи» прибавила ей сил. Впереди, рваными геометрическими силуэтами, замаячил кишлак Паймунар. А говорят, что собакам неведом страх, – ещё как ведом, и Катька его ощущала каждой шерстинкой, пробегая по узким улочкам кишлака. Грозные стены нависали над ней с обеих сторон, и, казалось, вот-вот они сдвинутся, как тиски, и раздавят её. Выскочив на просторы долины, она с облегчением вздохнула. Впереди было ещё километров двадцать. Шерсть, пропитавшись влагой густого ночного тумана, покрылась мелкой, как цемент, пылью, превратив её в какое-то сказочное чудовище. Застывшие сосульки постукивали друг об дружку и издавали какую-то воинственную мелодию, распугивая всю ночную живность в округе. Пробегая ранним утром мимо базовой заставы, она с грустью вспомнила повара Богданова... Её отношение к минометчику Сергею Богданову, назначенному по совместительству поваром, не основывалось на меркантильных интересах, – Катька его уважала. Сергею досталась нелёгкая служба: от ночных дежурств и обязанностей наводчика миномётного расчета его никто не освобождал, а с раннего утра нужно было готовить еду для всей заставы, и делал он это мастерски, часто балуя бойцов различными деликатесами. Днём – выдача сухпайков и сигарет, а нужно ещё и чистить миномёт, подтаскивать мины, по 18 кг каждая, – чтобы ночью было, чем стрелять. Когда он успевал поспать, оставалось только гадать... Первое знакомство Катьки с Сергеем Богдановым началось с конфликта: она попыталась его укусить. Потом осознала свою ошибку, – возникла дружба, крепнущая с каждым днём. Катька часто ходила с Сергеем на ночные дежурства, и стоило тому показать рукой на любой подозрительный шорох: «Катя, дух!» – как она тут же с громким лаем нес-

лась проверять. А однажды, во время дежурства, Богданов с Николаем Артамошиным решили устроить ночную охоту на дикобразов: подстрелить не удалось ни одного, а вот Катька, в охотничьем азарте, догнала колючего, и получила ранение иголкой в переднюю лапу. Пришлось другу срочно оказывать ей первую помощь, а Катькина благодарность только укрепила их отношения.

Поэтому, только краем глаза посмотрев в сторону 24-й, она побежала дальше – материнский инстинкт гнал её через промоину в горы.

Всё-таки в промоине она не удержалась, и полежала в холодной обжигающей воде, у неё даже не было сил полакомиться крабом, выползшим на берег, вокруг неё в струях прозрачной воды суетились маринки, – рыбёшка очень вкусная, но ядовитая, её нужно уметь готовить, – Богданов знал секреты приготовления рыбного деликатеса. С трудом Катька выбралась из промоины, обежала полусторевшее колесо от ротного бэтэера, который подорвался здесь на mine месяц назад.

Часов в десять утра дежурный по 24-й заставе постучал в дверь ротной канцелярии и, перескакивая через слова, доложил, что какое-то чудовище, отдалённо напоминающее Катьку, прибыло в расположение 25-й заставы, и в данный момент пытается накормить местного щенка.

– Передай мой приказ старшему прапорщику Дёмину, технику роты: повезёт в батальон на 22-ю нижнюю награды на дембелей, комбату, майору Болтикову, – пусть заедет на 22-ю верхнюю и вечером заберёт Катьку оттуда, она уже не добежит до базовой, – распорядился ротный.

Вечером вся застава, не занятая служебными делами, вышла в парк, встречать бэтээр с Катькой. Уставшая, но довольная столь чутким вниманием, Катька прыгнула с бэтэера, и потрусилась за ротным в сторону столовой.

Каждую ночь, с промежутком в один час, заставу сотрясал гулкий выстрел из 120-миллиметрового миномёта, дежурный расчёт отработывал задачу по заранее указанной цели. К утру, на склоне за позицией скапливалось огромное количество миномётных ящиков, вернее, ящиков из-под мин, а их в ящик вмещалось ровно две штуки, плюс дополнительные пороховые заряды. А вообще, стрельба из миномёта – завораживающее действие, расчёт действует быстро и слаженно, от каждого зависит успех в выполнении поставленной боевой задачи. Были, конечно, свои хитрости, о которых знали практически все проверяющие, но закрывали глаза. Потому что, только советский солдат отличался от империалистических джеймс-бондов хитростью, умом, инициативой и сообразительностью.

Как-то приехала в роту очередная проверка, во главе с майором, который занимал удивительную должность – заместитель командира дивизии по связям с авиацией! И вот, этот грозный майор решил проверить восьмую роту на боевую готовность.

Весь личный состав рассредоточился по своим огневым позициям в ожидании получения боевой задачи. И первые, по степени значимости, уважаемые миномётчики. А они – народ хитрый, свинтили с дульной части миномёта механизм предотвращения двойного заряжания, для сокращения временного показателя. Проверяющий указывает цели, и расчёт, перекрывая все нормативы, кладёт вторую мину прямо в цель. Все позиции, все точки и боевые машины отработывают на «отлично». Но так не бывает, чтобы в журнале проверок не было замечаний. И тут майор выдаёт сакраментальную фразу-вопрос: «А что это такое отсутствует в верхней части миномёта»? Ротный не растерялся, благо родился первого апреля, и с шутками дружил, не задумываясь, отвечает:

- Так это, товарищ майор, глушитель в ремонт сдали, забрать не успели!
- То-то, я смотрю, миномёт громко стреляет, – ответил проверяющий.

И после исчерпывающего ответа командира роты в журнале появилась запись: «Застава поставленную задачу выполнила на „отлично“, замечание: срочно забрать из ремонта глушитель, и установить на миномёт!» Потом эта запись была аккуратно обведена красным карандашом, и зачитывалась следующим проверяющим.

Катька, как и все заставские собаки, комиссий не любила, и, по традиции, они провожали отъезжающую колонну звонким лаем, радуясь не меньше командования роты, вместе с личным составом.

Сидящий у вагонного окна мужчина крепкого телосложения, с выправкой, выдающей военного человека, смотрел на проплывающий за окном пейзаж отстранённым, направленным вглубь себя, взглядом. Свисающие концы синего кашне на тёмно-сером пуловере покачивались в такт ритму колёс. Не по-летнему нудный дождь, покрывший разводами оконное стекло, серое небо и качающиеся от ветра ветви деревьев, – создавали за окном унылую картину. Казалось, задумавшийся пассажир даже зябко поёживается.

– Молодой человек! Возьмите постель! – пожилая проводница, видимо, стояла возле него уже некоторое время. Очнувшись, словно вынырнув из своих воспоминаний, он не сразу понял, что она обращается к нему.

Мысленно улыбнувшись, – для тётеньки такого возраста все, кто моложе 60 лет – уже «молодые люди», он вежливо поблагодарил.

Воспоминания накатывали неожиданно и ярко, как будто не двадцать лет прошло, а всё это было вчера. Афганистан, ставшая родной застава в Десхабзской долине, бойцы, служившие под его началом, особенно запомнившийся почему-то крайний призыв – те, с кем вместе выходили из Афгана. И через все воспоминания красной нитью проходила Катька. Собака, нёсшая службу на заставе, как боец, была обычной рядовой дворнягой, помесью разных неизвестных пород, обладая при этом живым умом, преданностью и героическим характером. Её лисья мордочка с любознательным взглядом мелькала по всем трём, входившим в состав восьмой роты, заставам. Кокетливый белый «галстук», украшающий её грудь, она гордо подставляла навстречу горячему афганскому ветру, сидя на броне боевой машины...

БМП-2, № 782 Саши Порядина, позывной «Подарок»

Глава 2

В те нечастые промежутки времени, когда на заставе было спокойно, выполнив свои материнские обязанности, Катька укрывалась в тени нависающих камней от палящего афганского солнца, и предавалась своим собачьим размышлениям.

Она смотрела на недавно прибывшее пополнение, снисходительно прощая им суету, и, казавшиеся ей бестолковыми, передвижения, что с них взять? – необстрелянные ещё пацаны... Стаж пребывания Катьки на заставе исчислялся уже не месяцами, а годами, и, по большому счету, даже против ротного, которого она любила и безмерно уважала, – она была старожилом. По легендам, передаваемым от дембелей молодым, дату её рождения относили чуть ли не к началу афганской войны, считая Катьку ровесницей заставы. И, как и полагается на войне, она чувствовала свою ответственность за заставу, за это вот молодое пополнение, – за всё, что происходило на вверенной ей территории. И потому даже сон её был тревожным и чутким, – уши двигались и подрагивали, а по рыжим бокам пробегала лёгкая дрожь. Во сне Катьку навещали воспоминания. В них она снова проживала дни и ночи своих боевых дежурств...

Шёл август 1988 года, войну никто не отменял, – так же случались обстрелы, дехкане из соседнего кишлака с разрешения ротного работали на своем винограднике, Катька носилась между заставами, навещая своих подросших щенков, – всё было в штатном режиме. А по Чарикарской долине в сторону Панджшерского перевала двигались колонны, – их было видно с вершины хребта, на котором стояла 25-я горная. Они двигались не спеша, как бы прощаясь с этой землёй, её жителями, обычаями, языком, во многом похожем на язык жителей Востока Советского Союза.

Прибавилось хлопот личному составу восьмой роты по подготовке к выводу войск в Союз, и тоска по родному дому накатывала всё чаще...

Для Катьки, которая по передающейся легенде вошла в Афган с первыми частями советских войск совсем крошечным щенком, тоска по Родине была понятием абстрактным, – она не знала другой Родины. Но настроение бойцов передавалось и ей: что-то щемящее накатывало, когда она созерцала звездное ночное небо...

А днём она чувствовала возросшую ответственность, поэтому старалась сунуть свой мокрый черный нос во всё происходящее.

– Товарищ капитан, там виноград от вчерашнего набега на духовский виноградник, ребята перебрали, на сушку вытаскивать? – подошел к командиру с докладом старшина Рома Ефимов. Загруженный в ящики из-под мин виноград обычно грузили в подогнанный вплотную к винограднику КамАЗ, после чего на заставе перебирали, рассыпали на новых танковых тентах, и сушили на палящем афганском солнце. Тенты были выменяны на чачу в службе БТИ (бронетанкового имущества).

– Куда мы его девать будем? Нам выходить скоро, а у нас больше ста мешков изюма засушено! – Ротный, всегда по-хозяйски относящийся к запасам и снабжению заставы, сокрушенно махнул рукой. С сожалением оглядел обустроенную своими силами территорию заставы, компактно и грамотно расположившуюся на склонах небольшого холма.

Даже Катька хорошо понимала – он гордился тем, что на его заставе было всё для нормальной жизни (если жизнь на войне можно было назвать нормальной!), – от казармы с одноярусными кроватями, – даже в дивизии спали на двухъярусных! – и верблюжьими одеялами, до отдельно стоящих туалетов...

На примере хозяйства 24-й заставы дивизионное начальство проводило обучение офицеров правильному устройству солдатского быта.

Каждая досточка, каждый гвоздик находили своё применение, ничего у сметливого и хозяйственного ротного не пропадало зря, всё шло в дело. На вершине холма расположились КНП и двухкомнатная канцелярия, с предбанничком, напоминающая украинский домик. Там у ротного хранились, кроме документов и прочего военного имущества, неприкосновенные запасы: избытки «приватизированного» у духов винограда находили свое применение, являясь, в виде чаи и вина, столь нужной и полезной «жидкой валютой». С её помощью можно было решить многие вопросы, – трёхосный КамАЗ, в сопровождении бэтээра и БМП, отправлявшийся в дивизию, возвращался на заставу нагруженный так, что рессоры прогибались.... Неодобрительно относящийся к спиртному и никотину ротный, тем не менее понимал важность данного продукта в товарном обмене, и грех было не воспользоваться преимуществом «виноградной» заставы. Извлечение сока из винограда один в один напоминало широко известный метод Адриано Челентано из фильма «Укрощение строптивого»: большой чан наполняли виноградом и старательно топтали босыми, чисто вымытыми ногами, до полного отделения сока, – других вариантов не было.

В. Середа и А. Жадан на винограднике

Чуть ниже по склону притулилась казарма, её внутренний облик, по убеждению ротного, должен был создавать у бойцов ощущение пусть временного, но дома. Верблюжьи одеяла на одноярусных кроватях, так же, как и обтянутые парчой стены и потолок, являлись результатом товарного обмена с дружественным местным населением. Такие обмены не приветствовались высшим руководством, но приезжающие на заставу многочисленные проверяющие не задавали лишних вопросов, – всем было понятно, что командир старается для бойцов, и по-другому многие проблемы решить невозможно.

Особой статьёй товарооборота были деревянные ящики из-под снарядов. В одной из поездок в Кабул капитан удивился увиденному факту: на базаре стояли большущие весы, с которых на вес продавались ветки деревьев, обрезки и прочий деревянный хлам. Объяснялось это довольно просто: перепады температур афганской зимой колебались от плюс 20 днём – до минус 25 ночью, поэтому дерево, служившее топливом, так высоко ценилось. Наладить

дальнейший процесс было делом техники, ящиков освобождалось немало: рота была вооружена тремя 120-миллиметровыми миномётами, гаубицей и установкой реактивного огня – ГРАД. По имеющейся инструкции, по ночам, – во время повышенной активности душманов (а она была всегда повышенной), дежурным минометным расчетам положено было каждый час производить по три выстрела по заранее указанным точкам, которые определял командир. Поэтому столь ценного товара для обмена, как ящики из-под снарядов, даже включая все строительные нужды, было в достаточном количестве. Специально выделенные бойцы разбирали их по досточкам, отдельно выравнивая гвоздики, являющиеся дефицитом в проводимых строительных работах, а ротный, назидательно подняв палец, с юмором провозглашал: «Ящики – это не только доски, но и 3–4 кг гвоздей!» Видимо, до известного комического украинского дуэта, позже вещавшего про ценный мех и мясо кроликов, каким-то образом дошла крылатая фраза ротного...

В казарме был оборудован солидный спортивный уголок, всё «железо» в котором было самостоятельно изготовлено из подручных средств: пустые стреляные гильзы заливались бетонным раствором, превращаясь в гантели и гири.

Ниже по склону располагались хозпостройки: кухня, столовая, склады, – продовольственный и боеприпасов. В самом низу, в автопарке, была оборудована баня с бассейном, – предмет отдельного восхищения всех приезжающих на заставу. Неподалёку от неё был летний бассейн – РДВ-5000, наполненный водой, куда можно было занырнуть, спасаясь от афганского пекла. Его прикрывали сеткой и следили за регулярностью наполнения водой. Тут же, в автопарке, построили аккумуляторную, куда периодически, по договоренности, привозили заряжать аккумуляторы даже из дивизии, на что сержант Васин ворчал сквозь зубы: «Своих нам мало, ещё с чужими возись...». Помогать механикам-водителям – таскать аккумуляторы в горку, – не входило в его обязанности, но как не помочь, если вес этого агрегата от БМП – 70 кг, а вес того же Порядина гораздо меньше...

Механик-водитель Саша Порядин вообще попал в Афган добровольно-подпольно: он женился до армии, а когда был в учебке в Гайжюнае, у него родился сын, дали отпуск – законно оформить отношения. Перед окончанием учебки, по какому-то случаю им выдали на руки документы. В военном билете карандашом было написано: женат. Семейных в Афган не посылали, – а друзья по учебке уже готовились к отправке. Недолго думая, Саня стёр надпись резинкой, – и поехал в Афганистан. Он был обычной, средней комплекции, и от переноски тяжестей у него образовалась грыжа, вырезать которую пришлось в госпитале в Кабуле. Через пару дней после операции он затосковал: на заставу тянуло, как домой. Когда ребята приехали по каким-то делам в Кабул, и заскочили его навестить, он взмолился: заберите меня отсюда! С врачами договорились, и Саня поехал на заставу, не пробыв в госпитале и недели....

И вот теперь, в ожидании точных сроков выхода колонны, в которой им предстояло быть замыкающими, сожаление о том, что всё это придётся бросать, – терзало душу ротного. Добро бы, если бы оставить кому-то для пользы, – не так жалко бы было....

А то ведь просто пропадет всё и разрушится, – местным эти строения без надобности, они туалетной бумагой-то пользоваться научились от русских, да и то не все.... Попервости, когда обыскивали пленных духов, у них в карманах камешки были припасены для такой нужды, потом уже стали рулончики бумаги находить....

С местными, из соседнего кишлака, отношения были дружеские: аксакалы называли его «командор Саша» и часто приглашали в гости, куда они ездили с переводчиком – таджиком Шамсиддином Халимовым. Кишлак был похож на небольшую крепость, обнесённую толстой глинобитной стеной метров пяти в высоту. За входящими закрывались массивные ворота. Несмотря на тёплый прием, чувство настроженности не покидало, особенно в первые визиты:

кто знает, что у них на уме? Зачем зовут?.. Со временем стало понятно, что заставу они воспринимают, как элемент собственной безопасности – чужие их не беспокоили, принимать участие в политических передрягах мирные дехкане не стремились. Укреплению отношений с «шурави» способствовало и то, что «командор Саша» разрешал им мирно трудиться в своих садах и виноградниках, расположенных в долине, – вся территория в радиусе 60 километров входила в зону ответственности восьмой роты. Часовые из разных точек наблюдали, чтобы не было чужих.

Как-то по весне, к ротному в канцелярию зашел дежуривший в этот день на четвертом посту наводчик-оператор Павел Федотов:

– Товарищ капитан, там делегация местных, из кишлака...

– Чего хотят?

– Не знаю, – их много, с животными....

Ротный поспешил вниз, где действительно сгрудились кучкой духи, с нагруженным ишаком, пытающиеся что-то объяснить замполиту Фаррахову.

Позвали Шамсиддина Халимова, тот перевёл:

– Праздник у них, ураза-байрам. Хотят угостить бойцов пловом, – обычай у них такой мусульманский.

Пока ротный слушал аксакалов, афганцы помоложе сгрузили с ишака огромный казан, приведённого с собой барана тут же освеживали и начали разделявать, разожгли костёр. Ротный позвал повара Серёгу Богданова:

– Посмотри тут за ними, мало ли...

Через пару минут Богданов доложил:

– Товарищ капитан, у них казан... помыть надо... там жир какой-то трёхсотлетний, слоем в пять сантиметров.

Мыть казан у афганцев было не принято, – в жировом слое он дольше был неподвержен старению, казаны берегли и передавали из поколения в поколение. Как ни сопротивлялись духи, – казан всё-таки помыли....

24-я сторожевая

Желание навестить родные места возникло давно, но решение о поездке сложилось неожиданно: образовался просвет в бесконечном гастрольном графике, и захотелось побыть наедине с собой. Военно-патриотическая группа, руководителем которой являлся майор в отставке Александр Жадан, моталась по городам и весям бывшего Советского Союза, пользуясь народной любовью и популярностью: туда, где они побывали один раз, их непременно приглашали ещё и ещё....

Они объехали все «горячие точки» постсоветского пространства, и ритм их деятельности в наступившее мирное время оставался по-военному напряженным.

Местом «постоянной прописки» группы стал Минск, – после распада Советского Союза 103-я гвардейская воздушно-десантная дивизия, базирующаяся в Витебске, осталась в составе вооруженных сил Беларуси, поэтому даже те, кто ушёл из армии, остались по месту проживания.

А Родиной была Украина – там, в городе Попасная, он родился, оттуда, из Донецка, призывался на срочную службу, оттуда же уезжал в Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище.... В Донецке находилась его родная школа, где его принимали в комсомол, с этим городом связаны самые светлые воспоминания юности.

Для путешествия он сознательно выбрал железнодорожный маршрут: за рулём автомобиля требуется сосредоточенность, а ему хотелось бездумно смотреть в окно, не отвлекаясь на происходящее вокруг.

Они договорились с братом, по крови двоюродным, а по сути – почти родным, встретиться в Москве, а потом вместе ехать в Попасную. С Сергеем они не виделись лет тридцать, – тот жил в дальневосточном городе Находка, пути-дороги их никак не могли пересечься.

Недавний тур по городам России, завершившийся концертом перед десантниками в День ВДВ, был трудным: с бесконечными перелётами по бескрайним просторам страны, сменой нескольких часовых поясов в течение одной недели, – отдых был просто необходим...

И сейчас, в вагоне поезда Минск-Москва, свободный от повседневных забот, мозг снова и снова погружался в воспоминания двадцатилетней давности...

Глава 3

Празднование дня «войск дяди Васи», 2 августа, отличалось от будней общим выходным, за исключением несущих боевое дежурство, изготовлением «афганских тортиков» для бойцов – уложенное слоями печенье обильно смазывалось сгущенкой, а офицеры отводили душу в бане с бассейном.

Накануне старшина Крапива пришел к ротному:

– Васильич, бассейн в бане надо покрасить, кого поставим?

– А кто у нас в нарушителях?

– Ефрейтор Филиппов – уснул на посту!

– Вот, выдай ему краску, определи фронт работ и пусть красит, сам же потом в этом бассейне купаться будет.

Про Сашу Филиппова нужно говорить отдельно. В роту частенько присылали нарушителей дисциплины из дивизии, или других подразделений, про неё так и шутили: восьмая исправительно-трудовая рота 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Высокий и нескладный Филиппов сильно напоминал персонаж советского фильма «Волшебная лампа Алладина» – джина из лампы, и был, что называется, «тридцать три несчастья» – с ним постоянно что-нибудь приключалось. Однажды старшина Крапива пришел к ротному с жалобой: Филиппову каждую неделю приходится выдавать новые трусы, в нарушение всех установленных норм. «А в чем дело?» – поинтересовался ротный. Старшина молча показал трусы, на задней стороне которых зияли две огромные дыры. «И так каждую неделю», – добавил он.

– Так это он на посту на камнях сидит слишком много, да ещё елозит, поди, вот и протирает, – решил ротный. Поскольку на палящей афганской жаре, в большинстве случаев, одежды носили только необходимый минимум, бронежилет надевали на голый торс, капитан, недолго думая, издал приказ по роте: бойцу Филиппову разрешается стоять на посту голым. Надо было видеть долговязую голую фигуру в каске, берцах, с оружием и в бронежилете, едва прикрывающем интересное место!..

Через пару часов старшина доложил:

– Товарищ капитан! – Филиппов напился, – в бане поёт!

– Как?.. где он мог взять?..

– Не знаю, я ему краску выдал, в бане закрыл, он красил бассейн, выпивки взять ему было негде.... Прихожу, открываю, – глаза весёлые, поёт, язык заплетается....

Спустившись в автопарк, они направились к бане. Глазам ротного предстал «никакой» Филиппов.

– А что за краску ты ему выдал? – сообразил ротный.

– Да обычная, – голубая....

– Нитро, – прочитал на банке капитан.

Бассейн был сделан в форме колодца, примерно три на полтора метра, и метра два глубиной. Сидя в этой яме, Филиппов надышался паров краски и «поплыл»....

Воду для хознужд и бани возили водовозкой с промоины, находившейся за кишлаком, – небольшая, в общем-то, речушка, размыла грунт на несколько метров, всё ниже опуская своё русло. На открытой местности долго находиться было опасно, поэтому существовал свой норматив: бойцы, черпая чистую родниковую воду ведрами, заполняли пятитонную бочку за двадцать минут. А в это же время, специально обученный боец, пробежавшись вдоль берега, вылавливал из водорослей ведро речных крабов, – отменное лакомство для руководящего

состава роты под пиво, после бани, – если его удавалось выменять в дукане, упаковка пива на три упаковки «Si-Si», – то же самое, что и фанга, в жестяных банках по 0,33 кг...

На промоине, на БМП А. Жадан, Крамаров, техник роты прапорщик Никулин

День ВДВ прошел на удивление спокойно, – обычно духи всегда проводили обстрелы в канун или дни больших праздников, – к этим «подаркам» на заставе уже привыкли.

Несмотря на то, что в дате вывода была точно известна только крайняя точка, – ожидание уже висело в воздухе. Каждый боец, от рядового до командира, подсознательно жил мыслью: СКОРО ДОМОЙ. Каждый прожитый на заставе день содержал в себе штрихи подготовки: красили технику, запасались новым обмундированием, проводили тщательную ревизию заставского и личного имущества.

Раздобытый неведомыми путями прицеп оборудовали по типу купе-вагона: жилое помещение для офицеров, кухня и столовая для идущей в колонне роты, подсобка....

Катка наблюдала эту суету и, не понимая, с чем она связана, чувствовала внутреннее беспокойство: в ней тоже поселилось ОЖИДАНИЕ. Обычно какое-то оживление возникало в канун приезда большого начальства, когда проводился смотр, – срочно приводились в порядок форма и внешний вид бойцов, обновлялась стенгазета у входа в столовую, – это было для Катки привычным и понятным, а сейчас происходило что-то другое....

Как-то, во время подготовки к очередному смотру, старшина Крапива пришел к ротному посоветоваться:

- Васильич, что с тельняшками будем делать?
- А что такое? Выдай всем, чтоб по форме были одеты!
- Да они ж потом всё равно их носить не будут, сам знаешь – по такой-то жаре....

Тельняшка в товарном обмене занимала высшую планку, на неё можно было выменять, что угодно.

– Неси тельняшку! – скомандовал ротный, – мы сейчас в неё всю роту оденем.

Вооружившись ножницами, приступили к раскрою одной тельняшки на тридцать частей. Изготовленные полосатые треугольники были срочно выданы бойцам: с одного края они прочно пришивались к изнанке формы, другой закреплялся, в зависимости от имеющихся подручных средств. Этим нововведением в роте стали пользоваться постоянно: завидя приближающееся начальство, «тельняшка» водружалась на полагающееся ей место.

Подсознание вытолкнуло его из прошлого в становящийся душным воздух вагона, – кондиционер, как обычно, не работал. Там, где он был минуту назад, на заставе, приближался день, который лежал в его душе многолетней болью. За неполных два года службы, – сначала был заместителем командира роты, а потом принял роту, – у него погиб один боец. Это была трагическая случайность, которую никто не мог предвидеть, но воспоминания об этом давили внутренним ощущением вины и тяжелым грузом, с которым, казалось, расстаться не получится уже никогда....

Он переключился на предстоящие встречи с родственниками и одноклассниками, – кое-какие контакты сохранились, хотя в родных местах он не был уже много лет, – так уж складывались обстоятельства, что в дальних концах бывшей единой державы ему приходилось бывать чаще, чем, в достаточно недалёких по расстояниям, городах «ближнего зарубежья».

Развал великой страны труднее всего, пожалуй, досталось осознать военным. Разделённая на части, когда-то единая армия, по кусочкам раздавалась вновь образованным отдельным государствам. И это вызывало внутреннее несогласие: присяга даётся на верность Родине, а Родина, как мать, – должна быть одна. Особенно остро на это реагировали боевые офицеры, защищавшие интересы этой самой Родины ценою собственной крови и жизнями солдат, которых не дождалось убитые горем матери....

Так незаметно его мысли по кругу вернулись к тем далёким событиям....

Глава 4

Ночь с 7 на 8 августа вспоминалась Катьке особенно часто, потому что тогда она своим особенным собачьим чутьем поняла, что над ротой нависла БЕДА. Она насторожилась, повернувшись в сторону 25-й горной заставы, где жил один из её щенков, втягивая носом прохладный горный воздух афганской черной, как сажа, ночи.

Начальник разведвзвода Г. Нечаев

Обстрел 25-й начался в 00–45. Заставы сразу же были подняты по тревоге, – каждый четко знал своё место. Стоявший на боевом посту минометный расчет под командованием сержанта Геннадия Кравченко готовился к смене, – она по графику была в час ночи. Только духи этот график не соблюдали....

Стреляли из-за хребта, с Чарикарской долины, с 82-миллиметрового миномёта. Дежурный расчет, прибывший на смену, по вспышкам выстрелов в долине стал корректировать ответный огонь.

Гена Кравченко был опытным бойцом, – он не раз принимал участие в боевых операциях в составе разведгрупп, когда требовалось собрать информацию о передвижении караванов, в рейдах они брали в плен духов, приходилось бывать в разных передрягах. До дембеля оставалось меньше трёх месяцев, – он уже писал домой, что скоро приедет, жил ожиданием встречи с мамой, собирал фотографии для дембельского альбома.... Он умел дружить – его уважали за справедливость и надёжность.

Быстро сориентировавшись, он направил своих ребят к укрытию, на позиции остался заступивший на смену дежурный расчет.

Если есть что-нибудь чернее безлунной афганской ночи, то это только преисподняя, – в темноте не видно собственную вытянутую руку. Поэтому на заставах тропинки основных

маршрутов с двух сторон выкладывали камнем и белили его известью, – не для красоты, а чтобы в темноте хоть как-то ориентироваться.

Генка Кравченко бежал замыкающим, направляя своих бойцов. До укрытия добежали все, а ему оставался всего лишь один шаг, – он уже наклонился, вступая под низкий свод укрытия, когда сбоку и немного сзади от него разорвалась духовская мина. Роковая случайность – незастёгнутый бронезилет, – и осколок, ударившись об изнанку передней части броника, рикошетом попадает в брюшную полость. Последний шаг, сделанный по инерции, – и он рухнул на руки товарищей.

Четыре бесконечных часа казались вечностью, – с каждой минутой из Гены по капле, вместе с кровью уходила жизнь, – внутриполостное кровотечение невозможно остановить без операции. А вертушка могла прилететь только по свету, это не раньше пяти часов утра... Советы медиков, передаваемые по радиации, были скорее бесполезными, поскольку спасти положение не могли....

Он метался в горячечном бреде, пересохшими губами звал маму, потом затихал ненадолго, и только стонал... А рядом, от бессилия стиснув зубы, сидели друзья, – всё, что они могли сделать, – это вколоть обезболивающее да смачивать его губы мокрым солдатским полотенцем, потому что давать ему пить было категорически нельзя, – об этом знали все....

Кто говорит, что на войне не плачут, тот ничего не знает о войне. Сухие, без слёз, горящие глаза, – это страшнее, чем текущие слёзы... Режущая боль терзает и выжигает душу, которая исходит молчаливыми слезами. И оглушающе стучит в висках назойливый вопрос: почему? Почему он, а не я?..

Когда прилетела вертушка, Катка уже была на 25-й, как она там появилась, никто не понял, да и не до неё было....

В вертолёт Генку погрузили в бессознательном состоянии, а до госпиталя живым довести его уже не успели... Весть об этом на заставу пришла почти сразу же. Притихшая Катка, как будто чувствуя свою какую-то вину, слонялась по заставе, с тоской заглядывая в потемневшие лица десантников.

На столе у ротного лежал чистый лист бумаги, он сел, взял ручку и долго смотрел на белое поле чистого листа, боясь к нему прикоснуться, как-будто, коснувшись его шершавой поверхности, откроет всему миру страшную тайну. С первой попытки он не решился, вышел из канцелярии и долго смотрел на вершину горы, где находилась 25-я заставка. И ничто не говорило о разыгравшейся ночной трагедии. Ни яркое солнце, выжигающее глаза, ни редкие белые облака, проплывающие в сторону заснеженного Гиндукуша. И только Катка, внезапно появившаяся из промоины, бежавшая со стороны 25-й на базовую, вернула ротного к действительности. Он вошёл в канцелярию, сел за стол и начал быстро писать, так быстро, как будто боялся упустить что-то важное, какую-то важную деталь, без которой письмо-покаяние не получится таким, каким должно быть.

Уважаемая, нет, – «Дорогая Галина Николаевна, пишут Вам командир, и замполит роты, в которой служил Ваш сын, гвардии сержант Кравченко Геннадий Викторович. Выражаем Вам глубокое соболезнование, по поводу смерти Вашего сына.

Ваш сын, Галина Николаевна, погиб геройски, выполнив до конца свой воинский и интернациональный долг. За этот героический подвиг, прежде всего, мы обязаны Вам. Вы его воспитали настоящим человеком, человеком большого смысла и слова. Гвардии сержант Кравченко Геннадий Викторович, служил с честью и достоинством, как и подобает воину-десантнику. Минометный расчёт, командиром которого он был, всегда занимал первое место по боевым и учебным показателям, и он являлся лучшим командиром.

В ночь с 7 на 8 августа, при начавшемся миномётном обстреле, Ваш сын нёс службу на боевом посту. Первым заметил, откуда душманы ведут огонь, и доложил по команде.

Сопровождая своих подчинённых в укрытие, он всё время думал о них. И последним покинул место несения службы, как ему подсказала совесть, убедившись, что его подчинённые находятся в безопасности. Но ему самому не хватило нескольких секунд. Эти секунды стали для него роковыми. Он был смертельно ранен...

Галина Николаевна! Мы понимаем как Вам тяжело, но и нам нелегко писать эти строки. Гвардии сержант Кравченко Геннадий Викторович навсегда останется в нашей памяти, в памяти его боевых друзей. Он не дожил до тех счастливых минут, когда мы войдём в Союз, не успел получить свою боевую награду...

Галина Николаевна, Ваш сын за мужество и героизм, проявленный при исполнении интернационального долга в Республике Афганистан, представлен к высокой награде Родины посмертно. С уважением: командир роты гвардии капитан Александр Жадан, заместитель командира роты по политической части гвардии старший лейтенант Александр Фаррахов, и весь личный состав 8 роты, его боевые друзья».

Ротный медленно положил ручку на исписанный лист бумаги, встал из-за стола и медленно вышел из прохладного помещения канцелярии в августовское пекло 24-й заставы...

Он чувствовал себя так, как-будто только что разгрузил в одиночку КамАЗ с боеприпасами. Опустившись на корточки прямо у входа в канцелярию, он невидящим взглядом обвел заставу. Вездесущая Катка, словно поняв и почувствовав его отстраненность, скользнула откуда-то сбоку, положив голову ему на колени, вздыхая, и глядя снизу влажным и преданным взглядом...

Несмотря на духоту, он почувствовал лёгкий озноб, – сказывалась подхваченная в Афганистане малярия, которая, вроде бы, и не беспокоила особо, но иногда, в сырую и сызкую погоду, давала о себе знать. Подчистую тогда, в годы распада, уволиться из армии ему «помог» букет болячек, привезённых из Афгана – два ранения и три контузии, дополненные перенесённым гепатитом и малярией, стали основанием для резолюции врачей: «Не годен к службе в мирное и военное время».

Это были лихие 90-е, когда сместились все понятия, когда одни выживали, не зная, как прокормить детей, а другие в это время прибирали к рукам, всё, что имело ценность, и делили всё, что успевали поделить...

Правительства новообразованных государств стыдливо замалчивали десятилетнюю войну, стремясь показать свою «демократичность» перед обрётёнными западными «друзьями», а самые циничные из чиновников не стеснялись сказать в глаза: «Мы вас туда не посылали!» Именно тогда произошло расслоение боевого сообщества афганцев, оказавшихся не готовыми к столь жестким реалиям перевернутого мира, – не все смогли понять и принять эти новые правила игры. Кто-то пошел в бизнес, а кто-то – в криминал, востребованность в тех, кто умеет обращаться с оружием, была выше, чем потребность в мирных специалистах. Очень немногие смогли вжиться в образовавшуюся реальность без потерь.

Ему повезло: умение выстраивать свой слой мира, в сочетании с практической смекалкой и огромным жизнелюбием, – помогло удержаться на плаву. К творчеству тянуло всегда – рисовал и писал стихи с детских лет, но в те безумные годы нужно было думать о том, как прокормить семью и детей. Поэтому любая работа была хороша.

А о творчестве мечталось: заочно поступил в университет искусств на факультет станковой живописи и графики, окончил его, и стал переносить чувства на полотна. И, странное дело: на холст ложились мирные пейзажи России, Украины и Белоруссии, а по ночам продолжал являться Афган...

Глава 5

Подорвались по пути на 25-ю

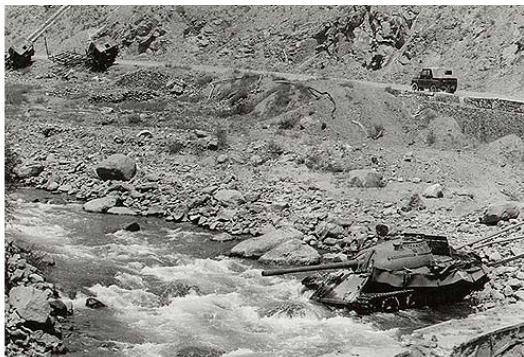

Техник роты А. Корсун и А. Жадан у подорванного и перевернутого БМП

Духи имели обыкновение обозначать праздники не только обстрелами, но и подрывами колёсной техники, которая передвигалась по долине. Поэтому передвижения требовали внимания и осторожности, а опытные механики-водители даже по собственному следу второй раз не проезжали. Сложнее всего было перебираться через промоину, – не так много удобных съездов и выездов позволял рельеф, а именно их духи обычно минировали. Отвесные берега всё ниже опускавшейся речушки не только скрывали от глаз всяческое передвижение по низине, но и сам спуск и подъем, практически вертикальные, являлись испытанием опыта водителей. А сидящие на броне бойцы в эти мгновения напоминали альпинистов, удерживающихся на отвесной скале.

В один из субботних дней механика-водителя Сашу Порядина отправили за бойцами на 25-ю горную, – в банные дни их привозили на помывку. У подножия 25-й стоял огром-

ный валун, метров шести в высоту и в два раза больше в диаметре. По связи договаривались: «Встречаемся у камня», – ребята спускались к ожидающей их БМП и ехали на 24-ю, в баню. Благополучно добравшись до 24-й базовой, они мылись в бане, после банных процедур та же машина отвозила их к подножию камня.

Через промоину...

У Саши Порядина было своё, какое-то особенное чутьё на опасность. С детства ему снились сны, которые имели обыкновение сбываться. Он не любил об этом распространяться, – в те времена это могли истолковать, в лучшем случае, как «странность», но интуиции своей доверял.

БМП подъехала уже к самому краю обрыва перед промоиной, когда механик-водитель увидел на противоположном берегу подъехавшую со стороны кишлака барбухайку – так называли большие грузовые афганские машины, обычно украшенные самой разной мишурой, которая, по афганским поверьям, отгоняла злые силы. Навешанные со всех сторон фонарики и колокольчики делали её похожей на новогоднюю ёлку, а по степени загруженности она давала сто очков вперёд любой городской маршрутке в час пик. Груз обычно возвышался над наращенными бортами объемного кузова, а пассажиры в кабине умудрялись размещаться в невероятных количествах не только справа, но и слева от водителя.

Притормозив у края обрыва, немного сдав назад, Саня моментально решает пропустить барбухайку, а потом спускаться. Сидящие на броне бойцы, вместе с начальником 25-й лейтенантом Сорокиным, разогретым баней и лёгкой дозой чачи, которую он позволял себе, несмотря на существующий на 24-й жесткий контроль ротного, стали его подначивать: «Поехали первыми, – или мы не десантники?» Но Саша махнул шоферу-афганцу: «Давай, бача!» – Тот начал спускаться к переезду через водный поток по четко отпечатавшемуся следу, оставленному буквально пару часов назад их прошедшей БМП.

Взрыв прогремел почти сразу – колёса барбухайки полетели в разные стороны, поднялся столб пыли. Потерявшие дар речи бойцы посмотрели на Порядина с мистическим восхищением: «Откуда ты знал?» Пострадавшим пассажирам барбухайки оказали помощь, – санитарструктор 25-й горной ехал на броне, – были там и погибшие...

С 24-й заставы услышали взрыв и увидели столб пыли, в считанные минуты была выслана группа быстрого реагирования, – все были уверены, что подорвалась БМП с ребятами. Обстреляв по пути окрестности, – мало ли что, – подъехали к промоине, увидели раскатившиеся колёса барбухайки, и уже в бинокль наблюдали за благополучно продолжившей свой путь бээмпэшкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.